

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА МАЧУЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
svama@bk.ru

ОДНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО*

Приводится аналитическое описание состава и функций сочиненных рядов главных членов предложения в произведениях Епифания Премудрого. Материалом исследования послужили «Житие Стефана Пермского» и «Житие преподобного Сергия Радонежского». В ходе анализа рассмотрены грамматические, семантические, а также стилистические особенности данных конструкций и обосновано их значение для языка автора.

Ключевые слова: исторический синтаксис, однородные члены предложения, Епифаний Премудрый, житие

Функциональная однородность языковых единиц – одна из узловых проблем синтаксиса, так как она связана с такими фундаментальными его понятиями, как предложение и словосочетание, подчинение и сочинение, синтаксическая функция и пр. Конструкции с одноименными и синтаксически равноценными членами оказались уже в поле зрения авторов первых русских грамматик [7], [15]. Однако общая теория синтаксической однородности, которая служила бы надежной опорой для методики вузовского и школьного преподавания соответствующих разделов грамматики, до сих пор не создана.

Так, не существует единого термина для номинации изучаемого языкового явления. Наиболее распространенным в лингвистике остается сочетание «однородные члены предложения», введенное в научный оборот А. М. Пешковским в начале XX века [39].

К не менее спорным относится вопрос, связанный с критериями выделения однородных членов предложения. И это несмотря на огромный вклад А. М. Пешковского, который первым среди русских языковедов охарактеризовал однородные члены как «особое явление в синтаксисе, имеющее свое грамматическое выражение» [39]. Исследователь определил их грамматические признаки, опираясь на которые, последующие лингвисты выдвигали свои концепции однородности, причем количество критериев, взятых за основу, в науке постоянно варьировалось.

Как известно, большинство лингвистов в качестве признака однородности членов предложения указывают на их функциональное тождество [47].

Этой точке зрения противостоит мнение, согласно которому разнофункциональные компоненты типа *кто* и *зачем (пришел)* определяются как однородные. При этом, как отмечают А. М. Пешковский [39], Е. В. Кротевич [30], М. Н. Майданский [34], Н. С. Валгина [8], в качестве средства выражения синтаксической однородности выступает сочинительный союз.

Е. Я. Болгова [4] и А. Ф. Прияткина [41] указывают на неубедительность подобного толкования, поскольку при решении данного вопроса, во-первых, обращается внимание лишь на формальный признак, во-вторых, неправомерно расширяется понимание категории однородности (допускается разнофункциональность элементов однородного ряда) [4]. Нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что «в подобных построениях мы имеем дело с сочинением неоднородных элементов» [41], то есть с логической однородностью.

Полемичным на протяжении длительного времени остается вопрос о квалификации предложений с однородными сказуемыми. Взгляды языковедов на данную проблему можно свести к нескольким точкам зрения.

Так, А. Х. Востоков [10], Д. Н. Овсянико-Куликовский [37], А. А. Шахматов [51], А. М. Пешковский [39], А. М. Мухин [36], А. Г. Руднев [43] и другие предложения с однородными главными членами (в частности, сказуемыми) характеризуют как особый структурный тип предложений в синтаксической системе русского языка.

По мнению С. Г. Ильенко, квалифицировать явления подобного рода более правомерно как переходные [23]. А. П. Беденок после изучения сочиненных глагольных сказуемых приходит к идентичному выводу и предлагает называть рассматриваемые структуры «полипредикатными односубъектными предложениями» [2].

Еще одно наименование конструкций особого типа – это осложненные предложения, которые были выделены и описаны как самостоятельное явление синтаксиса А. Г. Рудневым [43]. О неправомерности такого подхода пишет З. К. Тарланов: «Какой бы осложняющий компонент мы ни взяли, он неограниченно используется как в простом, так и в сложном предложении», и «говорить о существовании осложненного предложения как особого синтаксического типа можно было бы в том случае, если, в свою очередь,

могло бы доказать, что оно в том или ином языке представляет собой продукт естественного развития этого языка» [48].

Вторую точку зрения высказывали Ф. И. Буслаев [7], В. Ф. Кохно [29], В. Н. Перетрухин [38], В. И. Собинникова [45], В. Т. Гневко [11], А. Ф. Прияткина [41], лингвисты, участвовавшие в создании академической грамматики 1954 года [13], и некоторые другие. Предложения, осложненные однородными главными членами, они считают видоизменением, расширенной модификацией простого предложения.

В противоположность второй точке зрения В. В. Виноградов [9], Т. П. Ломтев [33], Е. Я. Болгова [5] и авторы Грамматик русского языка [14], [44] относят предложения с несколькими однородными сказуемыми к типу сложных предложений.

А. П. Леонтьев определяет подобные структуры как моносубъектные полипредикатные, в которых наблюдается явление так называемого «нулевого подлежащего» (*Шло и проходило время его жизни*) [31].

Отдельную позицию занимают исследователи, дифференцирующие предложения с однородными элементами в соответствии с различным грамматическим оформлением однородного ряда [3], [35].

В этом плане весьма подробную классификацию предлагает Н. С. Валгина [8]. Она дифференцирует предложения с однородными главными членами в зависимости от словоформ, входящих в сочинительный ряд. В связи с этим выделяются конструкции, относящиеся к простым, сложным предложениям или являющиеся переходными явлениями. Несмотря на тщательность классификации, предложенной Н. С. Валгиной, на наш взгляд, она в большей степени усложняет теорию синтаксической однородности, которая и без того отличается неоднозначностью подходов к решению проблемных вопросов.

Таким образом, несмотря на внимание исследователей синтаксиса русского языка к проблеме однородности, соответствующие теоретические вопросы пока не имеют единого решения. Лингвисты зачастую рассматривают синтаксическую однородность с противоположных точек зрения, опираясь на разные аспекты данного явления и учитывая разные критерии.

Кроме того, об актуальности рассматриваемой темы позволяет говорить отсутствие исследований однофункциональных главных членов предложения на материале жанрово-стилистических разновидностей древнерусского языка, и в частности на материале агиографической литературы.

Необходимость изучения этого вопроса обусловлена и тем, что, несмотря на труды О. Ф. Коноваловой [25], [26], [27], [28], Н. Ф. Дробленковой [16], В. В. Колесова [24], Г. С. Баранковой

[1], М. В. Ивановой [21], [22], характеризующие стиль Епифания, а также работы О. А. Черепановой [50], А. В. Духаниной [17], [18], [19], Р. И. Гождзик [12], посвященные собственно лингвистическому анализу сочинений древнерусского книжника, данный синтаксический материал специальном не рассматривался.

Епифаний Премудрый – один из известнейших книжников конца XIV – начала XV века. О нем говорят как о писателе, «творчество которого характеризуется особым стилем “плетения словес”, придающим его произведениям неповторимую эмоциональную и художественную выразительность» [1]. Рассуждая о манере письма данного автора, исследователи отмечают, что именно в творчестве Епифания стиль «плетение словес» приобрел совершенные формы [25].

Именно в связи со спецификой данного стиля особый интерес вызывает использование однофункциональных главных членов предложения в «Житии Стефана Пермского» (ЖСП) и «Житии Сергия Радонежского» (ЖСР), созданных Епифанием Премудрым. Методом сплошной выборки из этих произведений было извлечено более 900 изучаемых конструкций. Результаты исследования представлены в табл. 1 и 2.

Как видно из табл. 1, в сочинениях Епифания Премудрого доминирующими являются исследуемые конструкции со сказуемыми.

Анализ грамматической составляющей однофункциональных рядов в «Житиях» свидетельствует в целом об ориентации автора на нормы книжно-славянской традиции. Это, в частности, проявляется в следующем.

1. В грамматически верном употреблении форм аориста и имперфекта: *и бози твои... падением падоша и не въсташа* (ЖСП, абз. 32); *равно бо любляше всех и всем добро творяше... и къ всем любовь имаше* (ЖСР, с. 95).

2. В доминирующем использовании связок в формах сложных претеритов как в односоставных, так и в двусоставных структурах (в последнем случае особо показательным является факт употребления форм со связкой не только в проходных местах, но и в остальных частях текстов): *ты послушалъ еси гласа Христова, исповѣдалъ еси его въ Перми* (ЖСП, абз. 69). Употребление форм перфекта наиболее продуктивно в заключительной части житий. Это обосновывается нормами литературного этикета и структурой жанра, которые подразумевают восхваление святого.

3. В последовательном употреблении в формах императива в глаголах I, II классов 2-го лица множественного числа суффиксального – *иъ: идѣтьте и вы въ виноград мой и, шедше, дѣлайтъе* (ЖСП, абз. 13); а в глаголах III, IV классов того же лица и числа суффиксального – *и: тем же аще Богу тако изволиши, не скорбите, ниже пренемогайтъе* (ЖСР, с. 62).

Таблица 1

Морфологическое выражение однофункциональных главных членов предложения

Однофункциональные сказуемые (878) 93 %													
Простое глагольное сказуемое (602) 69 %													
1. Формы изъявительного наклонения (505) 84 %													
Прошедшее время (303) (60 %)				Чередование (прям. знач.) (10 %)			Настоящее, будущее (149) (30 %)						
				Прош. вр. (9 %)	Смеш. (1 %)								
Аорист (60 %)	Имперфект (30 %)	Перфект (7 %)	Смешение (3 %)	Аор. и имп.	Аор. и перф.	Аор. и наст.	Наст.-будущ. (прост.)	Аналитическое будущ.	Наст. историческое				
181	91	20	11	26	20	7	127	8	14				
2. Формы повелительного наклонения (94) 15,5 %													
3. Формы сослагательного наклонения (3) 0,5 %													
Составное именное сказуемое (99) 11 %													
Причастие (30 %)	Прилаг. (29 %)	Причастие + прилаг. (7 %)	Сравнит. степ. (3 %)	Существительное (25 %)	Предл.-падежн. формы (5 %)								
30	29	7	3	25	5								
Составное глагольное сказуемое (39) 4 %													
Модальные (92 %)					Фазисные (8 %)								
36					3								
Случаи употребления в одном ряду разных типов сказуемых (138) 16 %													
ПГС и СИС (7 %)	ПГС и СГС (7 %)				СГС и СИС (0,5 %)								
67	66				5								
Однофункциональные подлежащие (68) 7 %													
Существительные (84 %)		Субстантивы (7 %)				Инфинитив (4,5 %)		Цельное сочетание (4,5 %)					
Конкретные (51 %)	Абстрактные (49 %)	Прилагательные (60 %)	Причастия (40 %)										
29	28	3	2			3		3					

Таблица 2

Количественная характеристика членов однофункционального ряда

Однофункциональные сказуемые (878) 93 %													
Двухкомпонентные (67 %)		Трехкомпонентные (20 %)				Многокомпонентные (111) 13 %							
		4 компонента (7 %)	5 компонентов (3 %)	Более 5 компонентов (3 %)									
592	175	57	27		27								
Однофункциональные подлежащие (68) 7 %													
Двухкомпонентные (63 %)	Трехкомпонентные (19 %)			Многокомпонентные (18 %)									
43	13			12									

4. В наличии второй палатализации в основах глаголов на заднеязычные согласные в формах 2-го лица единственного и множественного чисел повелительного наклонения: *отче!* *Елико нечъствовах и елико съгреших, прости мя и помози моему неверствию* (ЖСР, с. 61).

5. В преимущественном выражении именной части составных сказуемых причастием: *и мно- ги языцы научени и крещени быша от них* (ЖСР, абз. 13). Этот факт в русле тенденций древнерусского синтаксиса объясняется, «с одной стороны, высокой степенью предикативности причастия, с другой – многообразием значений, выражаемых причастием как именем» [46].

6. В преобладании (в 82 % случаев) связок в именных предикатах (в том числе и в настоящем времени): *яко кроток есмъ и смиренъ сер-*

цем (ЖСР, абз. 14); *яко суетны суть и немощни и прелестни бози твои* (ЖСР, абз. 32).

7. В использовании значительного числа однофункциональных подлежащих, выраженных абстрактными именами существительными, позволяющими автору отвлечься от земных реалий и приблизить план повествования к внеземному, возвышенному, подчеркнуть причастность Бога ко всему происходящему: *яко и самое то за- чатие и рожество полно бе поста и молитвы* (ЖСР, с. 15). Данный факт свидетельствует о характерном для житий «стремлении к художественному абстрагированию изображаемого» [32]. Показательными при этом являются тематические группы абстрактных существительных, обозначающие «социальные отношения, нормы и понятия», «эмоции и чувства».

8. В преобладании двучленных рядов сочиненных подлежащих, соединенных союзом *и: наше благословение и молитва моа да есть с вами* (ЖСР, с. 68). По данным В. И. Борковского, в синтаксисе древнерусского языка «сочинение двух однородных членов-подлежащих при помоши союза является не только господствующим, но и почти единственным» [6].

9. В употреблении повторяющегося союза *и*, являющегося одним из самых частотных союзных средств как в двухкомпонентных, так и в многокомпонентных рядах.

Несмотря на следование автора традициям, язык его сочинений включает определенные элементы речи, не характерные книжно-литературным памятникам и позволяющие Епифанию Премудрому абстрагироваться от существующих канонов. К подобным элементам относятся:

1. Координирование однородных рядов сказуемых с субстантивированными прилагательными и с местоимениями: *преподобный же очутив брань вражсию, удръжа си тело и поработи е, обуздав постом* (ЖСР, с. 41). По словам А. Н. Стеценко, «имя прилагательное и причастие (в субстантивном значении) в роли подлежащего употреблялись ограниченно в древнерусских памятниках» [46]. Следовательно, наличие при однородных сказуемых субстантивированных прилагательных в роли подлежащего свидетельствует о специфике письма Епифания.

2. Преобладание в неопределенноподличных конструкциях (занимающих в группе односоставных предложений главенствующее положение – 77 %) форм 3-го лица единственного числа, обусловленное жанрово и тематически: *по лете единем, обетиав, издрася и распадеся* (ЖСР, с. 58), в отличие от других древнерусских памятников, в которых, по данным А. Н. Стеценко, используются преимущественно формы 3-го лица множественного числа [46].

3. Малочисленные случаи смешения флексий аориста и имперфекта, свидетельствующие об отражении в исследуемых житиях процесса распада системы прошедших времен: *пришед же архимандрити, и сътвориша обычное целование, и реша* (ЖСР, с. 71). Наши наблюдения подтверждают мнение М. Л. Ремневой о том, что в житийных текстах XV века фиксируются случаи смешения аориста и имперфекта, выраженные заменой флексии *ша* флексией *ше* [42].

4. Отсутствие связок в глагольных формах перфекта, функционирующих в рассуждениях на исторические темы (создание азбук разных народов). Данные факты обусловлены «расширением значения перфекта и потерей им именной специфики (то есть превращения причастия с суффиксом *-л* в чистую глагольную форму)» [46]. По словам А. В. Духаниной, в житиях Епифания Премудрого формы перфекта 3-го лица без связи преобладают в авторской речи [19]. Наши наблюдения это подтверждают.

5. Смешение форм множественного и двойственного числа глаголов-сказуемых в аористе при подлежащих, обозначающих два лица или предмета: *родители же его призваста к себе ужики своя, и другы, и суседи, и възвеселишася* (ЖСР, с. 16). Смешение указанных форм является результатом разрушения системы двойственного числа в древнерусском языке. В исследуемых сочинениях чередование двойственного и множественного числа в аористе наблюдается в тех частях текста, которые повествуют о родителях святого, в то время как другие имена, обозначающие двойственность, не вызывают данного чередования форм: *князь великий и митрополит... похвалиста думу его и посулista бытии прошению его* (ЖСП, абз. 48).

6. Наличие в пределах одного ряда аориста и имперфекта: *он же паде лицеем на земли и съ слзами молитву творяше к невидимому царю, взираше на икону святыя Троица, на помошь призываще святую Богородицу* (ЖСР, с. 45). Используя в рамках одной конструкции простые прошедшие времена в свойственных им грамматических значениях, автор делает акцент то на мгновенности, краткости действий: *Стефан же, брат его, на левом стояше клиросе и въпроси канонарха* (ЖСР, с. 69); то на их продолжительности: *и създаша себе кыиждо свою келию и живяху о Бозе, смотряюще жития преподобнаго Сергия* (ЖСР, с. 41). В таких случаях формы аориста и имперфекта становятся значимыми для стиля «плетения словес», поскольку они позволяют автору актуализировать то или иное событие благодаря разнице своих значений, а в многокомпонентных рядах способствуют созданию определенного ритма текста.

7. Равное количество в однофункциональных рядах форм единственного и множественного числа настоящего-будущего времени: *яко да уразумит и помилует мене* (ЖСР, с. 10). Это свидетельствует, на наш взгляд, о специфике употребления автором данных форм, поскольку традиционно преобладающими являлись формы множественного числа [20].

8. Употребление однофункциональных сказуемых в формах настоящего времени со значением «настоящее историческое», позволяющее Епифанию создавать иллюзию действительности, вызывать у читателя ощущение присутствия при описываемом в произведении событии: *тогда Мамай царствует, но не въчнует* (ЖСП, абз. 58).

9. Использование в пределах одного ряда форм настоящего и прошедшего времен в их прямых значениях, необходимое книжнику для изображения фактов, явлений в длительности: *тыи же зело възвеселиса съвръшенному его послушанию и вскоре посылает священики* (ЖСР, с. 71). В данных примерах интересующие нас формы используются при описании последова-

тельных действий в прошлом, что, по словам А. В. Духаниной, являлось «характерной чертой агиографических сочинений, следующих стилю “плетение словес”» [19].

10. Употребление подлежащих при однородных сказуемых в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, объясняемое желанием автора акцентировать внимание читателей на субъекте.

Исследование использования Епифанием средств связи в однофункциональных рядах показало главное положение союзов, в частности соединительного союза *и* (67 % случаев), которое можно объяснить повествовательным характером текстов, нейтральной коннотацией данного союза и его широкими возможностями в выражении семантико-синтаксических отношений, например: *въ единъ же от дний приидоша пермяне к нему и вопросиша его* (ЖСП, абз. 30).

В свою очередь, количественный анализ элементов ряда позволил сделать вывод о преобладании двухкомпонентных структур над много компонентными (2/3 всех рядов); выделить в особую группу трехкомпонентные конструкции, среди которых наиболее значимыми для стиля Епифания являются триады (по терминологии В. В. Колесова) благодаря их функции усиления образа и способности создавать высокий уровень экспрессии: *а нѣверных стадо умаливается и убывает, и оскудевает* (ЖСП, абз. 27).

Особенностью манеры письма Епифания Премудрого является стилистически маркированное использование изучаемых конструкций как одного из грамматических средств создания стиля «плетения словес». Это, в частности, проявляется в способности сочиненных рядов создавать особый ритмический рисунок благодаря звучанию окончаний в формах простых прошедших времен: *и грамоте пермьской учаше я, и книги писаше им, и церкви святыя ставляше им и свящаше, иконами украшаše и книгами исполняше и манастыри наряжаше, и в черньцы постригаше и игумены имъ устроиаше, и священники... поставляше и анагносты, и падиаки уставляше* (ЖСП, абз. 51).

Кроме того, задавать необходимый для большего воздействия на читателя ритм, придавать динамику повествованию помогают объемные, многокомпонентные ряды, характеризующиеся и другой способностью – представлять объект описания с разных сторон, подчеркивая все нюансы: *и изучиша сам языку пермьскому, и грамоту нову пермьскую сложи, и азбуки незнаемы счини... и книги руския на пермьский языкъ преведе и преложи, и преписа* (ЖСП, абз. 9). По словам О. Ф. Коноваловой, «ритмичность языка Епифания Премудрого тщательно продумана и соблюдается необычайно строго, она... объясняется стремлением Епифания привести читателя в состояние экстаза, восторга перед святым его деянием» [25].

Функциональная значимость двухчленных структур для стиля «плетения словес» определяется нанизыванием подобных конструкций, их включением в цепи рядов, в результате чего данные образования наравне с многокомпонентными структурами осложняют текст, заставляют адресата обратиться к прочитанному вновь и задуматься над написанным. Это желание автора передать богодохновенную истину и вызвать у читателя необходимость проникнуть в глубину содержания является одним из принципов стиля «плетения словес».

В целом одна из важнейших функций проанализированных структур – создание позитивного энергетического фона, необходимого при доказательстве автором святости преподобных отцов, значимости совершенных ими деяний.

Создаваемая однофункциональными рядами градация (особенно это касается триад), нагнетание экспрессии, включение сочиненных рядов в следующие друг за другом синтаксические построения, использование в пределах одного ряда форм прошедшего и настоящего исторического времен при описании последовательных действий, абстрагирование, характерное для однородных подлежащих, – все это является чертами стиля «плетение словес» и подтверждает мысль о том, что однофункциональные главные члены предложения выступают одним из грамматических средств его создания.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранкова Г. С. Житие и учение Стефана Пермского, описанное Епифанием Премудрым // Русская речь. 1994. № 1. С. 61–64.
- Беденок А. П. Типы предложений с сочиненными глагольными сказуемыми в современном русском языке: АКД. Ростов н/Д, 1981. 23 с.
- Белошапков В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967. 159 с.
- Болгова Е. Я. К проблеме однородности-неоднородности в структурах типа «кто и зачем это сделал?» // Актуальные вопросы теории исторического и современного синтаксиса русского языка. Барнаул, 1976. С. 3–8.
- Болгова Е. Я. О типологии предложений с однородными членами // Актуальные вопросы теории исторического и современного синтаксиса русского языка. Барнаул, 1976. С. 9–17.
- Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М.: Изд-во АН СССР, 1985. 187 с.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. 622 с.

8. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1991. 452 с.
9. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
10. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 408 с.
11. Гневко В. Т., Кравченко З. Ф., Хмелевская Е. С. Современный русский язык. Односоставные предложения. Нечленимые предложения. Неполные и эллиптические предложения. Простое осложненное предложение / 2-е изд., перераб. Минск: Вышэйшая школа, 1985. 174 с.
12. Гождзик Р. И. Субстантивное словоизменение в языке произведений Епифания Премудрого // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкоznание, литературоведение. 1995. Вып. 3. С. 72–77.
13. Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2. Ч. 1. Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 703 с.
14. Грамматика современного русского литературного языка: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1970. 767 с.
15. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. 147 с.
16. Дробленкова Н. Ф. Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 40. С. 77–91.
17. Духанина А. В. Особенности употребления перфекта в сочинениях Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2. С. 72–84.
18. Духанина А. В. К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3. С. 5–19.
19. Духанина А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола): АКД. М., 2008. 25 с.
20. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. 400 с.
21. Иванова М. В. Язык «Жития Сергия Радонежского» // Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. С. 143–172.
22. Иванова М. В. Язык «Жития Стефана Пермского» // Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. С. 11–90.
23. Ильинко С. Г. Синтаксические единицы в тексте: Учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ, 1989. 82 с.
24. Колесов В. В. Епифаний Премудрый и «плетение словес» // Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 188–216.
25. Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (к вопросу о соотношении) // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 101–111.
26. Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 73–80.
27. Коновалова О. Ф. Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 325–334.
28. Коновалова О. Ф. Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 244–251.
29. Кохно В. Ф. К спорам о типологии «слитных» предложений // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Ярославль, 1979. С. 13–22.
30. Кротович Е. В. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения // Вопросы русского языкоznания. Кн. 2. Львов, 1956. С. 3–18.
31. Леонтьев А. П. Моносубъектные полипредикатные конструкции современного русского языка. Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и с дубль-подлежащим: АКД. Томск, 1982. 26 с.
32. Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI–XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 5–28.
33. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 565 с.
34. Майданский М. Н. Соединительные сочетания разноименных членов предложения // Русский язык в школе. 1965. № 5. С. 68–72.
35. Михеева Н. С. К вопросу о границах простого и сложного предложения в современном русском языке: АКД. М., 1974. 22 с.
36. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л.: Наука, 1968. 230 с.
37. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Изд-во И. А. Куликовской, 1912. 312 с.
38. Переутюхин В. Н. Однородные члены предложения в современном русском языке: АДД. М., 1980. 33 с.
39. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: УРСС, 2001. 451 с.
40. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. 354 с.
41. Прияткин А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
42. Ремнева М. Л. Язык книжно-литературных памятников XV в. // Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 196–207.
43. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959. 198 с.
44. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
45. Собиников В. И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. 104 с.
46. Степенок А. Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1977. 352 с.
47. Тарланов З. К. Разграничение односоставных предложений с однородными главными членами и сложных предложений // Тарланов З. К. Избранные работы по языкоznанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 784 с.
48. Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 480 с.
49. Черемисина Н. В. Мелодика и синтаксис русской синтагмы // Синтаксис и стилистика. М., 1986. С. 65–85.
50. Чепанова О. А. Средства лексического варьирования в стиле «плетение словес» Епифания Премудрого // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. Вып. 2. С. 73–80.
51. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Л.: Гос. изд-во, 1925. 211 с.